

1. ИСТОРИЯ

Ю.Н. Макаров

ВЛАСТЬ, ВЧК И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ¹ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ставший доступным в последние годы огромный массив ранее секретных документальных материалов делает возможным более адекватно и выпукло охарактеризовать процесс эволюционного развития взаимоотношений властных структур и Русской православной церкви (РПЦ) в первое послеоктябрьское десятилетие, в том числе такой содержательный аспект этих взаимоотношений, как контакты вероисповедных объединений с ВЧК–ГПУ–ОГПУ и другими специальными ведомствами богоборческого государства.

Православная церковь на протяжении всей российской истории была церковью государственной по своему самосознанию и социальному статусу. Официальная церковь уживалась и сотрудничала с любой властью на любом уровне. В ее деятельности всегда превалировал государственный интерес, доминировал мотив государственной полезности. В свою очередь, самодержавие воспринимало Православную церковь не только как религиозный институт, но и как политическое ведомство, рассматривало ее как идеологический базис империи (несмотря на очевидную анахроничность такого подхода в условиях многоконфессиональности тогдашней России). Жесткий государственный контроль, установившийся с петровских времен, закрепил худшие раболепные традиции православия, лишил РПЦ реальной самостоятельности в обществе и позволил многим мировоззренческим противникам православия рассматривать ее в качестве некоего служилого департамента, особого социального инсти-

туда, прочно впаянного в структуры монархической власти, вынужденного всегда или почти всегда следовать в фарватере общеимперской политики. Это не могло не вызывать реакцию отторжения со стороны определенной и весьма значительной части российского общества.

Поместный собор РПЦ, впервые собравшийся за 200 лет в августе 1917 г., узаконил (первоначально осуществлявшиеся стихийно) нововведения в систему управления церковью в центре и на местах (самоуправляющийся приход, выборные – Высшее церковное управление и епископат, пожизненно соборно избранный патриарх и т.д.). Это придало организационную оформленность процессу внутрицерковного освобождения, структурно укрепило РПЦ и тем самым облегчило для нее решение задачи выживания в послеоктябрьский период, в условиях кардинального изменения статуса и роли церковных институтов в жизни общества.

Собор без энтузиазма встретил приход вооруженным путем к руководству страной леворадикальной политической партии. Считая советскую власть слабой (и скорее всего недолговечной), не способной на решительные действия в отношении церковного имущества из-за боязни возмущенной реакции верующих в преддверии Учредительного собрания, церковное руководство тем не менее заняло выжидательную позицию, не исключая возможности неких компромиссов с большевиками. Вместе с тем, упреждая возможные шаги нового правительства, Собор сформулировал свое отрицательное отношение к зафиксированному в программе РСДРП(б) принципу отделения церкви от государства и высказался против «принятия государством религиозно-индифферентной позиции», по сути настаивая на формуле не «отделения», а «отдаления» церкви от государства. Иерархи

требовали сохранения за Православной церковью статуса «первой среди равных» (как святыни большинства народа и исторической силы, духовно создавшей российскую государственность), а также продолжения адресных ассигнований из государственной казны и др. Фактически речь шла о поддержании прежних отношений стратегического партнерства с государственной властью (не взирая на изменение политического строя) при условии предоставления РПЦ свободы внутреннего самоопределения. Члены Собора заявляли, что перед лицом церкви оправдана всякая форма государственного устройства, если только она «исполнена христианским духом или, по крайней мере, ищет его».

Однако события стали развиваться в ином направлении – по пути нарастания конфронтации РПЦ с новой властью. Большевицкая власть рассматривала сам факт продолжения существования религии в стране победившей революции как некое отклонение от нормы, ибо меры по ликвидации эксплуатации, снятию социальных антагонизмов должны были вести к углублению кризиса религиозного мировоззрения, сужению сферы влияния Церкви и в конечном итоге – к их быстрому отмиранию.

Вместе с тем значительная (или даже большая) часть населения страны продолжала испытывать потребность в религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения. Религиозные параметры для очень многих сохраняли значение базисных, стержневых в духовной, хозяйственно-экономической и бытовой сферах личной / общественной жизни, выступали неотъемлемым элементом трудовой этики, обязательной составной частью нравственного и эстетического воспитания.

Именно в силу сохранявшейся религиозности большинства населения страны власти вынуждены были

поддерживать с конфессиональными структурами определенные взаимоотношения де-юре и де-факто, вырабатывая и корректируя приемлемую для себя модель вероисповедной политики. Эта модель, базировавшаяся на априорном тезисе о генетической несовместимости религиозной и марксистской концепций, являлась результирующей двух известных партийных постулатов, зафиксированных позднее в программе РКП (б) 1919 г. Первый из них требовал добиваться более или менее быстрого преодоления религиозных предрассудков. Памятуя об известном марксистском положении, гласившем, что религиозная ориентация противоречит общественной активности людей, большевики рассматривали антирелигиозную работу в качестве одного из важнейших средств, необходимых для того, чтобы сконцентрировать и направить энергию масс на решение задач глобального социального переустройства. А это, полагали партийные лидеры, невозможно было осуществить, не овладев полностью сознанием человека, не выдавив из него все и всяческие пережитки прошлого, религиозные в том числе. Второй постулат ориентировал на использование в борьбе с религией преимущественно просветительских приемов и методов, рекомендуя не прибегать к прямому насилию во избежание роста религиозного фанатизма.

Власти разрабатывали систему мер принудительного ограничения сферы деятельности официальных церковных структур, создания искусственных препятствий на пути организованного религиозного влияния и воспроизводства религии в новых поколениях и т.д. Отношение к религии как к явлению, чуждому социализму, его идеологии, политике, образу жизни и нравственности, естественным порядком вело к перерастанию мировоззренческого противостояния в русло политической конфронтации, порождая

желание решать идеологические проблемы силовыми методами.

Начавшиеся летом-осенью 1918 г. полномасштабные военные действия окончательно поставили большевиков и РПЦ (значительная часть деятелей которой оказалась в стане вооруженных противников нового режима) по разные стороны баррикад.

Однако справедливости ради следует подчеркнуть, что, говоря о «вкладе» РПЦ в антисоветскую борьбу, надо отличать заявления, линию поведения отдельных церковных личностей либо групп духовенства (действовавших пусть даже в масштабе нескольких епархий) от точки зрения созданных Собором руководящих церковных структур, от официальной позиции самого Патриарха.

25 сентября (8 октября) 1919 г. (в тот момент, когда войска Деникина еще стояли под Тулой) Патриарх Тихон подписал текст Послания, в котором он, предостерегая архипастырей РПЦ от поспешности в принятии важных стратегических и ситуативных решений, напоминал им, что установление той или иной формы правления – прерогатива самого народа. Церкви не следует связывать себя с определенным образом правления, а священники «должны помнить канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать каким-либо политическим партиям, а тем более делать богослужebные обряды... орудием политических демонстраций».

Возложив ответственность за разжигание военного конфликта на всех участников междоусобной брани, Патриарх при этом выразил твердую убежденность, что «никакое иноземное вмешательство... не спасет Россию... пока сам народ не очистится... от ... язв своих»².

В целом в отношениях с государственными инстанциями, начиная со второй половины 1919 г., официальное руководство РПЦ избрало тактику сочетания политической лояльности, готовности идти на максимальный компромисс в гражданском отношении, с твердым отстаиванием «внутренней свободы церкви», ее полной независимости в богословско-литургических, культовых вопросах от любых внешних влияний (постоянно подчеркивая невозможность любого мировоззренческого компромисса с богоборческим государством)³, т.е. аполитизм церкви, с одной стороны, и полное невмешательство государства во внутрицерковные дела – с другой.

Впрочем, Патриарх был не единственным из иерархов РПЦ, публично выступивших (в условиях Гражданской войны) под флагом церковного аполитизма.

В достаточной степени «доброжелательная» вероисповедная политика исполкома Петроградского совета во главе с Г. Зиновьевым побудила митрополита Петроградского Вениамина сделать соответствующие шаги навстречу власти, публично заявив (после мая 1918 г.): «... вообще, а особенно во время борьбы и смены политических направлений, архипастырь должен быть, прежде всего, религиозным деятелем, чуждым всякой [как реакционной, так и модной прогрессивной] политике⁴. Стремление петроградского духовенства находиться вне политики («политическая деятельность запрещается нам и Высшей Церковной властью...») была подтверждена митрополитом Вениамином⁵ в его письме на имя Г. Зиновьева 15 сентября 1919 г.⁶

Интересно, что примерно в это же время в практической деятельности ряда священнослужителей РПЦ отчетливо начали проявляться тенденции, которые можно было бы охарактеризовать как просоветски-ориентированный клерикализм. В этом отноше-

нии дальше всех, пожалуй, пошел петроградский священник В.Д. Красницкий (1880–1936 гг.), бывший член «Союза русского народа», известный в прошлом (апрель 1918 г.) как автор воинствующих призывов к объединению православных против советской власти и истреблению большевиков, однако затем быстро полевевший и уже 15 августа 1919 г. предлагавший «церковному отделу» НКЮ⁷ привлечь лучших священников в Красную Армию в качестве комиссаров на нестроевые должности культурно-просветительного характера с целью противопоставления красного духовенства белому. Красницкому также принадлежала идея создания «ячеек сочувствующих РКП(б)» из числа православного духовенства петроградской епархии⁸.

Как сообщала (лето 1920 г.) Курская губЧК⁹, некоторые священнослужители еще с августа 1919 г. выражали активное сочувствие коммунистам и агитировали за них: «Духовенство разбивается на два совершенно противоположных течения. Первое – приверженцы старого строя, тайно всячески старающиеся провести в жизнь свои старорежимные идеи, другую часть можно назвать как бы «советской». Эта часть убедилась в правильности наших действий, и сама старается разъяснить темным массам пользу проводимой Советами политики»¹⁰.

В свою очередь и государственные инстанции вынуждены были (постепенно, начиная с осени 1919 г., окончательно с 1921 г.) отказаться от использования исключительно «ампутационных» способов преодоления религиозного влияния (массовых, но бессистемных гонений; попыток уничтожить церковь одним ударом посредством лишения ее экономического фундамента и т.д.) и прибегнуть к поиску более изощренных форм борьбы с РПЦ.

Вместе с тем сохранившиеся документальные материалы свидетельствуют: практически с самого начала для многих аппаратчиков было очевидно, что до-

биться отмирания религии в обозримые исторические сроки будет невозможно без прямого государственного вмешательства в жизнедеятельность конфессиональных объединений, в кадровую политику их руководства. Внесение раскола в ряды РПЦ путем инициирования канонических споров и личностных разногласий, всемерная поддержка всех дезорганизаторских сил внутри самой Церкви вели бы к разрушению целостного организма, дроблению традиционно сложившихся оргструктур на автономные объединения и общины, лишённые общего руководства, теряющие с течением времени авторитет среди прихожан и рано или поздно прекращающие свое существование в советской стране¹¹.

Уже в 1919–1920 гг. органы ВЧК начали активно искать контакты с теми представителями православного духовенства, которые, по их мнению, лучше других подходили на роль разрушителей единства РПЦ. В поле зрения чекистов в первую очередь попадали деятели трех категорий: те, кто считал необходимым устранить несоответствие религиозных догматов и достижений научной мысли, модернизировать церковную жизнь, приблизив ее к реалиям XX в. и новой общественно-политической обстановке в стране (таким образом реанимировались, но в значительно радикализированном виде обновленческие лозунги 1905 г. и весны 1917 г.); те, кто, привыкнув находиться под государственным началом, искренне верил, что Церковь не может существовать без государственной поддержки, потому был озабочен конфликтами Церкви и большевиков¹² и надеялся, что обновленная РПЦ сможет не только ужиться с новой властью, но и вернуть в свое лоно отпавшую часть верующих. Однако главная ставка делалась все же на тех, кто, проявляя недовольство своим положением в церковных структурах, был полон амбициозных устремлений и для дос-

тижения поставленных целей (из материальных и карьеристских интересов) готов был идти на любые соглашения с господствующим режимом, прибегая к различным, в том числе морально-нечистоплотным методам и средствам¹³.

Небезынтересно отметить, что среди первых «перебежчиков», пополнявших ряды чекистских осведомителей, оказался целый ряд скандально известных представителей крайне правого крыла православной иерархии (бывший архиепископ Тобольский Варнава [Василий Накропин¹⁴], бывший архиепископ Пензенский Владимир [Всеволод Путята¹⁵], бывший иеромонах Илиодор¹⁶ [Сергей Труфанов]), для которых личные интересы, стремление оставаться на гребне власти как таковой (вне зависимости от ее метаморфоз) оказались преваляющими факторами¹⁷.

Через призму своих специфических интересов рассматривали спецслужбы деятельность и такой структуры, как Исполнительный комитет по делам духовенства всея России (Исполкомдух)¹⁸, созданный осенью 1919 г. усилиями секретного сотрудника Президиума ВЧК А.Ф. Филиппова.

Филиппов Алексей Фролович (1868–1936 гг.), будучи выходцем из социальных низов, сумел тем не менее окончить юрфак Московского университета, однако в дальнейшем избрал профессию журналиста. Слыл скандальным газетчиком и 63 раза приговаривался к тюремному заключению за критику самодержавных порядков. После переезда в 1912 г. в Петербург основал на кооперативных началах Банкирский дом народного труда (и при нем товарищество с широким участием рабочих). После февраля 1917 г. откровенно симпатизировал большевикам. Встретившись по рекомендации А.В. Луначарского с Ф.Э. Дзержинским, согласился безвозмездно передавать в Президиум ВЧК информацию, собранную в

кругу банкиров и промышленников. Вместе с тем, принципиально оставаясь беспартийным, Филиппов давал повод некоторым чекистским и партийным функционерам (М.С. Урицкому и Н. Крестинскому, в частности) подозревать себя в двурушничестве. Впрочем, добрые и доверительные отношения, установившиеся с Председателем ВЧК, до поры до времени спасали Филиппова от резких нападков.

В августе-сентябре 1919 г., в тяжелейший для Советской республики момент Филиппов инициирует (?!) создание Исполнительного комитета духовенства на началах коммунистического строя, позднее переименованного в Исполнительный комитет по делам духовенства всея России. Костяк вновь возникшей структуры составляли церковные старосты московских храмов, специалисты по проблемам религиоведения и церковной истории (Рункевич, Никитин, Прудков, Богословский), рабочие ряда столичных заводов. Главную роль в деятельности Комитета, таким образом, играл «светский элемент», духовенство «выступало в качестве экспертов». К работе Исполкомдуха были привлечены священнослужители ряда конфессий: католики (Цаккуль), греко-католики (Л. Федоров и Абрикосов), лютеране (пастор Зигфрид). После некоторых колебаний патриарх Тихон также выразит готовность использовать Филиппова для смягчения отношений РПЦ с советской властью¹⁹. Интересы православия в составе Исполкомдуха отстаивали протопресвитер Н. Любимов и временно управляющий Московской и Коломенской епархией епископ Вятский Никандр (Н.Г. Феноменов). Функции почетного председателя Исполкомдуха согласился исполнять митрополит Петроградский Вениамин.

Исполкомдух существовал совершенно легально в качестве «добровольческой» организации на пожертвования от частных лиц. Ни конфессиональные

структуры, ни чекисты (если не считать нескольких продовольственных пайков) специальных средств на поддержку его начинаний не выделяли. Президиум ВЧК принял решение предоставить возможность Филиппову действовать самостоятельно, оговорив, правда, необходимость общего контроля со стороны секретного отдела ВЧК. Как напишет впоследствии Филиппов, «органической», «интимной» связи с чекистами организация не имела, хотя «принимала во внимание руководящие взгляды ВЧК и НКВД». Присутствие в составе Исполкомдуха секретаря СО ВЧК Иванова и сотрудника отдела учета Моссовета Маркова «гарантировало ... от уклонения в нежелательную сторону».

Целью Исполкомдуха среди прочего являлось: уничтожение сословных перегородок в иерархической структуре РПЦ; примирение различных вероисповеданий между собой; путем упорной и осторожной пропаганды ослабление оппозиционных по отношению к большевистскому государству настроений в среде духовенства различных религий, дабы в конечном итоге добиться признания духовенством («не Церковью, а... именно духовенством как классом граждан советских...») новой власти в качестве единственной реальной политической силы в стране; привлечение священнослужителей, стоящих на платформе советской власти, к общекультурной работе в сфере сельского хозяйства и кооперации, в органах Наркомпроса и Красного Креста²⁰.

Менее чем за годичный период своей деятельности Исполкомдух сумел подготовить и направить в различные советские инстанции десятки аналитических записок, информировавших власти о реальных процессах, протекавших в религиозной сфере жизни общества, что должно было, по мнению Филиппова, помочь выработке сбалансированной модели вероисповедной политики Советского государства.

Именно Филиппову удалось убедить Тихона подписать заготовленный Исполкомдухом текст упоминавшегося патриаршего послания от 25 сентября (8 октября) 1919 г. Миротворческое обращение Патриарха было отпечатано на деньги Исполкомдуха в количестве 50 тыс. экземпляров, несмотря на негативное отношение VIII отдела НКЮ, расценивавшего публикацию этого документа как «ошибочную и невыгодную с политической точки зрения» акцию (дескать позиция высшей церковной иерархии – безнадежна, зачем же «облегчать ... ее трудное состояние», давая «ей авансы и одобрения»).

Впрочем, отношения Исполкомдуха с руководством Православной церкви достаточно быстро испортились. Наличие в составе Исполкомдуха штатного сотрудника ВЧК и попытка Филиппова привлечь к работе в Комитете архиепископа Варнаву и особенно Вл. Путятю («энергия, литературные дарования, агитационные возможности делали фигуру его интересной для использования») заставляли православных иерархов «видеть в нас не бескорыстных, но наемных и даже действующих по поручению правительства лиц», «духовенство всячески душило нас своими происками, интригами, брезгливо апатичным отношением ко всем нашим предложениям».

Еще больше осложнилось положение Филиппова после того, как он начал обращаться в различные государственные инстанции с протестами и критикой деятельности некоторых чиновников советских ведомств, отвечавших за исполнение законодательства о культах и допускавших очевидные и даже умышленные нарушения этого законодательства в своей каждодневной практике. Особое неприятие и даже отторжение у Филиппова, вызывали «криминальные» методы, применявшиеся в работе VIII («ликвидационного») отдела Наркомюста (наиболее часто упомина-

лись фамилии занимавших ключевые посты в отделе бывшего присяжного поверенного И.А. Шпицберга²¹ и бывшего священника М. Галкина²²).

Наркомюст, орган, целью деятельности которого являлось осуществление юридического надзора за «планомерным и умелым», точным и полным проведением в жизнь «Декрета об отделении...», т. е. за «созданием условий самостоятельного бытия церковных вероучений и исповеданий, независимо от сочувствия или несочувствия им отдельных представителей советской власти», занялся, по словам Филиппова, несвойственным для него делом, вступив на путь активной борьбы с духовенством как определенным сословием и фактически поставив перед собой задачу «искоренения религии» как таковой. Именно руководство VIII отдела выступило инициатором кампании по вскрытию мощей и настаивало на их последующей полной ликвидации; именно оно требовало введения в жизнь практики запрета на профессию для бывших священнослужителей; именно оно, стремясь перекрыть каналы связи церковных структур с верующими массами, разработало систему искусственных мер, имевших целью затруднить для РПЦ получение продуктов, необходимых для осуществления религиозных обрядов (вина, муки-крупчатки для просфор), а также культовых аксессуаров (риз, икон, свечей). По ходу массовых судебных процессов над духовенством, происходивших в 1919–1920 гг., Исполкомдух стремился заострить внимание руководящих лиц государства на бездоказательности многих обвинений, выдвинутых против лиц духовного звания, оказавшихся на судебной скамье («все судебные функции должны проходить под знаком величайшей беспристрастности, ибо Советской России незачем оглядываться на печальную практику самодержавного режима... судебное место – не арена для сведения счетов с не-

угодными лицами...»). В это время канцелярия Исполкомдуха превратилась в своего рода юридическую консультацию, куда за советом обращались сотни верующих. В деятельности Исполкомдуха все четче стали просматриваться черты, свойственные правозащитной организации.

Осуждая специфические методы, использовавшиеся Наркомюстом в борьбе с «проявлениями религиозности», Филиппов указывал на то, что руководство VIII отдела провоцирует взрыв народного негодования на религиозной почве. «Государство (допуская, что в задачи государственной власти, а не партии как вдохновительницы первой входит подобная задача) может принять на себя борьбу, но только с суевериями, а не верой, и именно борьбу, а не искоренение веры или суеверий насильственным путем», – писал Филиппов. Пути этой борьбы, «если она хочет быть плодотворной... ясны – это просвещение». «Сколько бы мы ни говорили о возможности «упразднения религии»... но то, что органично вросло, не может быть механически вырвано усилиями VIII отдела даже при помощи ВЧК».

Нетрудно догадаться, что «странная позиция», занятая Филипповым, которого чекисты продолжали считать своим агентом в среде духовенства, вызывала негативную реакцию VIII отдела Наркомюста и руководства СО ВЧК. Когда Филиппову стало известно о планах роспуска Исполкомдуха, он в сентябре 1920 г. обратился в Президиум ВЧК, настаивая на том, что насильственная ликвидация Исполкомдуха поставила бы его «на роль провокатора и установила бы несомненную точку зрения на ВЧК как вдохновителя деятельности Комитета, что фактически неверно, а с партийной точки зрения недопустимо, и по существующим взглядам на вещи обнаружила бы скрытую тен-

денцию власти косвенно... влиять на среду духовенства в свою пользу».

Однако предотвратить разгром Исполкомдуха Филиппову не удалось. 13 сентября 1920 г. он и сам был арестован. В заключении, содержащемся в архивно-уголовном деле Филиппова, последний обвиняется в ведении двойной игры, в стремлении, «притворяясь сторонником советских мероприятий, в то же время делать все для защиты церкви и церковников». Констатировалось, что Филиппов необоснованно способствовал через ВЧК освобождению более 60 реакционно настроенных церковных «авторитетов»; не добился существенного разложения духовенства и перехода его в ряды сторонников советской власти и в то же время всячески мешал деятельности советских учреждений в борьбе с церковниками и старался дискредитировать отдельных советских работников. СО ВЧК принял решение о ликвидации Исполкомдуха как «учреждения не только бесполезного, но и вредного», «принявшего неправильную линию приспособления РПЦ к новой обстановке». Самого Филиппова предлагалось «изолировать самым срочным образом», сослав на Соловки (VIII отдел Наркомюста настаивал даже на применении к нему высшей меры наказания – расстрела).

Филиппова спасло личное заступничество Ф.Э. Дзержинского. По его поручению уполномоченный Президиума ВЧК, проведя новое расследование, отверг обвинения, предъявлявшиеся Филиппову со стороны СО ВЧК, и прекратил дело «за отсутствием достаточных оснований». 12 февраля 1921 г. А.Ф. Филиппов был освобожден.

Таким образом, можно сделать вывод, что политический режим, формировавшийся в СССР на протяжении первых послеоктябрьских десятилетий, обладал рядом характеристик, позволяющих отнести его к числу тоталитарно ориентированных. Важнейшей из

них являлось намерение властных структур (стремившихся обеспечить монопольное влияние РКП(б) в идейно-культурной области) изолировать все неконформистски настроенные личности, нейтрализовать любые ценности, жизненные установки, проявления политической и духовной активности, межличностные отношения, не поддающиеся контролю сверху, вытеснить за пределы нормальной общественной жизни любые организации, объединения, способные выступить для индивидуума в качестве альтернативной (по отношению к государству) референтной группы. Поэтому большевистская доктрина нацеливала на решительную, беспощадную борьбу с так называемой националистической идеологией и религиозной верой в целях обеспечения культурной, этнонациональной и религиозной (точнее, безрелигиозной) однородности общества.

Примечания

¹ В тексте используется современное название «Русская православная церковь» (РПЦ), установленное в 1945 г.; на Поместном Соборе 1917–1918 гг. было принято иное наименование – «Православная российская церковь».

² Примерно в таких же выражениях было выдержано и письмо Тихона в СНК от 6 декабря 1918 г., в котором Патриарх, подчеркивая, что «многим мероприятиям народных правителей» он не может сочувствовать как «служитель Христовых начал», вместе с тем утверждал, что «не наше дело судить о земной власти, Богом допущенной ... наш долг лишь указывать на отступление от великих Христовых заветов». (См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 8; РО ГМИР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 97. Л. 7–7об.; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 162. Л. 40; РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 293. Л. 5).

³ См.: *Поспеловский Д.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С.179.

⁴См.: Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства: 1888–1932 гг. / Сост. М. Складаровой. СПб., 1994. С. 238–242.

⁵ Как свидетельствовал в июле 1922 г. протоиерей А.И. Введенский, митрополит Вениамин стяжал у реакционеров славу «большевика», так как «категорически и систематически воспрещал духовенству вмешательство в политику». Когда к Петрограду подходила войска Юденича, Вениамин выражал опасение, что в случае взятия города белыми его расстреляют. См.: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Сост. и комментарии Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова: В 2 т. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1. С. 239).

⁶ См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 1000. Оп. 79. Д. 24. Л. 14–15.

⁷ Первоначально практическое осуществление «антирелигиозной» и «антицерковной» правительственной политики было возложено на функционеров VIII ликвидационного (1918–1922 гг.) и V культового (1922–1924 гг.) отделов НКЮ, возглавлявшихся П.А. Красиковым. Их функции и полномочия преемствовало Центральное административное управление (ЦАУ) НКВД, имевшее с октября 1920 г. в своей структуре церковный отдел (См.: РО ГМИР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. № 1014) и осуществлявшее (при кураторстве со стороны Секретариата и Президиума ВЦИКа) процедуру регистрации религиозных общин и объединений, заключения и расторжения договоров о пользовании культовым имуществом и пр.

⁸ В.Д. Красницкий (1880–1936 гг.). Выпускник Петербургской духовной академии, в 1917 г. священник Князь-Владимирского собора в Петрограде. В 1918 г. входил в штат инструкторов-исполнителей общего подотдела отдела юстиции Петрогубисполкома, созданного для решения вопросов, связанных с реализацией требований культового законодательства. В 1919 г. – лектор политотдела бригады особого назначения, встречался с В.И. Лениным «для

доклада о положении служителей культа». Представитель Петросовета «при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства». Когда Юденич подходил к Петрограду, В.Д. Красницкий подал заявление о приеме в члены РКП(б), но принят не был, так как не согласился снять с себя сан. См.: *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории Русской церковной смуты 20–30-х гг. М., 1996. С. 57–59, 395–396; Политбюро и церковь. Т. 2. С. 291, 547 и др.

⁹ См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1 (1918–1922 гг.). М., 1998. С.195, 271.

¹⁰ В ежемесячных сводках Тверской губЧК о положении дел в губернии за 1921 г. отмечалось, что духовенство «относится враждебно к советской власти, за исключением немногих одиноких, отбившихся от стада, которые смотрят на советскую власть как защитницу и сочувствуют». Цит. по: *Леонтьева Т.Г.* Православные подданные и большевистская революция: особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 507.

¹¹ Обратим внимание на то, что религиозная политика германской оккупационной администрации на территории СССР (1941–1944 гг.) имела много общего с довоенной советской практикой. Не случайно изучение опыта антицерковных гонений в России казалось нацистам очень полезным. В директивах (лето-осень 1941 г.) шефа РСХА Гейндриха и других видных чиновников III Рейха содержались указания тщательно сберегать и вывозить в Германию для изучения материалы антирелигиозных музеев и документы «Союза воинствующих безбожников». На контролировавшихся нацистами территориях СССР (особенно Украины) действовали многие положения советского культового законодательства (в том числе в отношении церковной собственности).

Линия поведения нацистов в «религиозном вопросе» была ориентирована на разрушение («внутреннее и внешнее») традиционных конфессиональных структур,

«атомизацию церквей». Так, РПЦ насильственно стремились разделить (главным образом, по национальному признаку) на несколько не сообщающихся между собой течений во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» церкви для борьбы против рейха. Разрозненные части ранее единого церковного организма предполагалось поставить под полный контроль. Давались указания не препятствовать развитию сектантства на оккупированной территории. После окончания войны православие предполагалось ликвидировать вовсе, заменив его новой религией, призванной воспитывать послушных подданных рейха. 11 апреля 1942 г. А. Гитлер в узком кругу приближенных высказался по этому поводу следующим образом: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы... то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы». В свою очередь, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер 24 октября 1944 г. подчеркивал, что «поддерживать и снова оживлять Православную церковь было бы неверным, так как она всегда являлась организацией национального сплочения... Нам нужно поддерживать каждую религиозную форму и секту, которая будет пацифистствующей». См.: *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная церковь // *Нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР.* М., 2002. С. 54, 155–159, 172–174, 177, 487–491, 495–496, 501–503.

¹² И. Стратонов по этому поводу замечал, что правящий режим искал случая «доказать, что она ведет борьбу не с церковью как таковой, а с лицами, которые хотят использовать эту организацию против гражданской власти». Цель большевиков на раннем этапе антицерковной борьбы состояла в том, чтобы перекинуть мост между властью и внутриопозиционными элементами клира. См.: *Стратонов И.* Русская церковная смута (1921–

1931 г.). Берлин, 1932. (Переизд. // Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 62.

¹³ В докладе «помощника уполномоченного секретного отдела ВЧК» об агентурной и осведомительной работе среди духовенства (1921 г.) сообщалось, что СО ВЧК особенно рекомендует своим сотрудникам для вербовки лиц духовного звания использовать простые человеческие слабости: (метод «запугивания тюрьмой, лагерем по незначительным поводам, за спекуляцию, нарушение правил и распоряжений властей»), честолюбие и самое главное - материальную заинтересованность («субсидии денежные или натурой»), ибо люди, получившие деньги из наших рук, «будут вечными рабами ЧК». См.: Религия и права человека. (На пути к свободе совести.): Сб. статей. М., 1996. Вып. 3. С.196–197; *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России: XX век. С. 154–155.

¹⁴ *Варнава (Василий Накропин)* (1859–1924 гг.) Из крестьян. Не имея специального богословского образования, по рекомендации Г. Распутина становится с 1911 г. епископом Каргопольским, с 1913 г. – епископом Тобольским. В 1916 г. был возведен в архиепископский сан. Уволен (по требованию Временного правительства) 7 марта 1917 г. от управления епархией с назначением управляющим (на правах настоятеля) Высокогорскую пустынь в Нижегородской епархии. В годы советской власти неоднократно и не без основания подозревался высшими церковными властями в прикровенных отношениях с чекистскими структурами. Будучи вынужденным 24 мая (6 июня) 1919 г. оправдываться на заседании Синода РПЦ в присутствии Патриарха, заявил, что «никаких намерений создавать какую-то советскую Православную церковь не имел и не имеет и своих услуг в этом деле не предлагал». За недоказанностью обвинений все ранее наложенные церковные прещения (запрет в служении и др.) с Варнавы были сняты. Будучи назначенным архиепископом Архангельским, назначения не принял. Осенью 1921 г. состоялось назначение Варнавы управляющим Самарской епархией. В марте 1922 г. чекисты

путались вовлечь Варнаву в так называемый обновленческий раскол. Вместе с тем Патриарх сохранял добрые отношения с Варнавой вплоть до самой смерти последнего (Москва, 13 апреля 1924 г.). См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей церковной власти: 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 965. РО ГМИР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 91. Л. 9; РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 7. Л. 84; Д. 11. Л. 130; Политбюро и церковь. Т. 2. С. 48; Следственное дело Патриарха Тихона. С. 899–900.

¹⁵ *Путята Всеволод* (1869 г.– март 1936 г., по другим сведениям – около 1941 г.), князь, с 1915 г. – архиепископ Пензенский и Саранский Владимир. 10 (23) мая 1918 г. Патриарх и Синод отлучили Путяту от Церкви за то, что будучи в запрещении, он участвовал в священнослужениях. Летом-осенью 1918 г. сторонники Путяты в Пензе при его активном подстрекательстве начали силой захватывать городские храмы и создавать параллельные церковные структуры. В результате состоялось примирение с РПЦ (просьба к Патриарху о снятии отлучения и восстановлении в правах правящего архиерея) осенью 1919 г. Путята основал в Пензе и возглавил при поддержке местной ЧК «Свободную народную [трудовую] церковь». См.: Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Вып. 1. С. 51; Акты... С. 115, 117, 125, 130, 317, 338, 340, 347, 716–721, 912, 932, 944, 956, 967; Политбюро и церковь. Т. 1. С. 353; Т. 2. С. 183–184, 193, 355, 504, 533, 542, 589; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 12–15. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16345. Л. 2об. Ф. 89. Оп. 4. Д. 158. Л. 13, 30. Д. 178. Л. 62; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1с. Д. 60. Л. 743об.; Следственное дело Патриарха Тихона. С. 778–779, 879, 889, 902; Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) РФ. Д.Р-27993. Л. 23об.

¹⁶ *Илиодор (С.М. Труфанов)* (род. в 1880 г.). Иеромонах. Резко выступал против революционного движения в 1905 г. Создал свой «Союз православного русского народа». Весной 1908 г. был переведен в Царицын в Святодуховское Троицкое подворье. В 1912 г. сложил с себя сан.

С 1914 по 1917 гг. – в эмиграции. В 1918 (не позднее мая) – 1922 гг. (с перерывами) вновь проживал в Царицыне и под контролем ЧК принимал активное участие в так называемом обновленческом движении РПЦ. См.: *Неизвестная Россия*. Вып. 1. С. 51; *Акты...* С. 956; *Борьба (Царицын)*. 1923. 21 февр.; 1928. 30 сент.; *Русское прошлое*. Вып. 6. С. 142; *Политическая история России в партиях и лицах*. М., 1993. С. 363; РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 6. Л. 62).

¹⁷ Как полагает Д. Поспеловский, присутствие в среде осведомителей значительного количества бывших членов «Союза русского народа» и подобных правых организаций может быть объяснено, среди прочего, стремлением бывших черносотенцев выслужиться перед новой властью, чтобы избежать расплаты за свои деяния при старом режиме. См.: *Поспеловский Д.* Русская православная церковь в XX веке. С. 68.

¹⁸ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27993. Л. 1–42.

¹⁹ Показательно, что несколькими месяцами ранее, 22 марта (4 апреля) 1919 г., Патриарх и ВЦУ РПЦ выразили условно-одобрительное отношение к уставным принципам и направлению практической деятельности Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии, лидер которой Ф. Жилкин убеждал Тихона в своей способности обеспечить для руководства Церкви доступ в коридоры власти.

Так называемая Христианско-социальная рабочая партия была создана в Москве фабричным рабочим Федором Ильичем Жилкиным совместно с некими Н. Болденковым и Е.И. Березиным и официально зарегистрирована 8 июня 1917 г. в количестве 20 человек (лиц христианского вероисповедания обоюбого пола не моложе 20 лет). См.: ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 746. Л. 30, 3, 3об.; РО ГМИР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 108. Л. 1).

²⁰ К лету 1920 г. в ряде провинциальных городов (например, в Курске) под наблюдением местных ЧК начинают функционировать «особые губернские бюро по организации духовенства всех вероисповеданий», призванные привлечь священнослужителей к осуществлению просоветской про-

паганды и агитации. См.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... С. 305.

²¹ *Шпицберг Иван Анатольевич* (1881 или 1883 – 1933 гг.). До революции – адвокат, присяжный поверенный, некоторое время после февраля 1917 г. по приглашению обер-прокурора Синода В.Н. Львова работал в специальной комиссии, занимавшейся внесением изменений в правила развода. В январе-феврале 1918 г. Шпицберг в качестве товарища народного комиссара и ответственного работника Наркомпроса (именно так его представляли собравшимся, на самом деле Шпицберг в январе-марте 1918 г. занимал должность заведующего ЗАГСом Литейной районной управы Петрограда) выступал в Петрограде с лекциями по антирелигиозной тематике. В 1919 г. Ш. занимал уже пост эксперта VIII отдела Наркомюста и следователя по особо важным делам НКЮ. См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 12. Д. 1477. Л. 1–1об.; Ф. 17. Оп. 112. Д. 189. Л. 2об. 23, 25; Ф. 89. Оп. 4. Д. 158. Л. 33, 35–41; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 155. Л. 43; Оп. 3. Д. 211. Л. 99–105.

²² *Галкин (М. Горев) Михаил Владимирович* (? – 1930 гг.), в прошлом – священник Спас-Колтовской церкви Петрограда, был известен своей близостью к Гр. Распутину и митрополиту Питириму (Окнову). В 1917–1918 гг. – редактор газеты «Свободная церковь». В первые же недели после Октябрьской революции снял сан и был принят на работу в VIII отдел НКЮ сначала в качестве консультанта, а с мая 1918 г. в качестве штатного сотрудника («эксперта»). Принимал участие в разработке текста Декрета об отделении Церкви от государства. См.: РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 2об.; *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 31; Политбюро и церковь. Т. 2. С. 39, 192, 309–310, 535; Следственное дело Патриарха Тихона. С. 590, 904.